

Дейзи Вэнити

ЛЖИВЫЕ ЗЕРКАЛА

Москва

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В97

Вэнити, Дейзи.

В97 Лживые зеркала / Дейзи Вэнити. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Очаровательное преступление).

ISBN 978-5-04-170889-4

Лондон, 1847 год.

Мистер Уоррен — настоящий аристократ криминального мира — подбирает на улице бездомную девочку, сиротку семи лет, которая называет себя Уинифред. Малышка оказалась смысленной, и хозяину удастся обучить ее всем премудростям шпионажа.

Спустя десять лет рядом с хозяином Уинифред держит лишь страх. Она мечтает уйти от него и начать новую жизнь. Но как это сделать, если за душой лишь пригоршня монет, а люди хозяина отыщут тебя, где бы ты ни скрылась?..

Во время очередного задания Уинифред встречается Теодора Дарлинг — обаятельного молодого аристократа. Тот предлагает девушке работать на него, а взамен обещает разделиться с мистером Уорреном и освободить ее. Предложение заманчиво, вот только Дарлинг не так прост. Куда он постоянно уезжает? Почему уходит от ответа каждый раз, когда она спрашивает о его семье? Похоже, юной шпионке нужно опасаться обоих хозяев, иначе ей просто не выжить...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-170889-4

© Вэнити Д., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?

Уильям Шекспир
«Сон в летнюю ночь»

Зорко одно лишь сердце. Самый главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»

ГЛАВА 1

ПОРУЧЕНИЯ И ГАЛСТУКИ

Лондон, 1857

В лавке подержанных дамских туалетов было темно, портнихе приходилось низко склоняться над платьем, чтобы разглядеть шов. Уинифред, сидевшая у окна и от скуки пытавшаяся поймать собственное отражение в мутном, засиженном мухами стекле, начинала злиться. Нерасторопная портниха сняла с нее последние мерки еще час назад — и все никак не могла закончить.

— Долго еще? — с недовольством спросила она, постукивая по полу ножкой.

Швея взглянула на нее исподлобья и лизнула нитку.

— Почти готово, мисс. Только кружева на рукаве остались.

— Пошевеливайтесь.

Портниха еще ниже склонилась над шитьем, и Уинифред удивилась, как женщина до сих пор не выколола себе глаз.

Голубое бальное платье в ее руках наверняка попало в лавку после смерти какой-нибудь богатенькой леди. Мистер Уоррен приобрел его специально для сегодняшнего вечера, наряд ушили и отделали по последней моде. Уинифред представила, сколько хозяину могла стоить такая переделка, и ей стало не по себе.

— Готово, мисс!

Сияя, женщина поднялась и расправила платье. У Уинифред на секунду перехватило дыхание — до чего же оно было красивым! Небесно-голубой шелк под слоем газа был невесомо расшит райскими птицами, а по плечам, коротким рукавам и воланам юбки струилась белая пена кружев. Ей захотелось потрогать складки, но вместо этого она вздернула подбородок и надменно взглянула на портниху.

— Кто-нибудь в городе мог видеть его на прошлой хозяйке?

— Нет, мисс. Вернее... Я так его переделала, что никто в жизни не узнает, — извиняющимся тоном ответила она.

— Упакуйте, — равнодушно обронила Уинифред и отвернулась к окну, хотя внутри у нее все пело. Ей не терпелось поскорее примерить это прекрасное, восхитительное платье. И пускай даже кто-то видел его — неужели это такая уж редкость, чтобы две лондонские модницы одевались у одной модистки?

Завернув наряд в папиросную бумагу, портниха водрузила сверток ей на руки.

— Этот шелк очень маркий, не запачкайте его ненадежно, мисс.

— Если мне понадобится ваш совет, я обязательно вам об этом сообщу, — процедила Уинифред.

Ее вдруг взбесили и швея, и грязная дешевая лавка, и даже приятная тяжесть свертка с платьем.

— Извините, — пролепетала женщина. Ее увядшие щеки вспыхнули румянцем. — Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

Так-то лучше. Уинифред холодно отказалась и поспешила прочь из лавки, брезгливо приподнимая юбки. Она не так давно вылезла из этой грязи, чтобы забыть, как сложно ее отстирать, напоминания ей не требовались.

От лавки до ее дома было меньше квартала. Комнатка, в которой обитала Уинифред, располагалась в «Рассвете» — публичном доме, который держал ее хозяин, мистер Уоррен. В его владении были опиумные притоны в Чайна-тауне, публичные дома в Сохо, рабочий кабинет в Сити и оружейные лавки по всему городу, но больше всего он почему-то любил именно «Рассвет» — свое первое детище, первое приобретение. Почти всегда его можно было найти здесь — в душном темном кабинете, похожем на исповедальню. Подле себя он поселил и Уинифред, свою шпионку.

Она не любила свое жилище, хоть это место было не из худших. С улицы доносилась такая вонь, что она взяла себе за привычку проветривать комнату только после дождя. Иногда по ночам прямо у нее под окнами раздавались истошные крики, как в Уайтчепеле, который она будто и не покидала. Но здесь было чисто, сухо, а самое главное — вся комната была в ее безраздельном распоряжении.

До семи лет Уинифред жила с родителями и девятью братьями и сестрами в трущобах, в крошечной комнатухе без света и мебели. Когда вся семья умерла от холеры, она — крошечный, хилый ребенок — выжила, и ей ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски помощи. И никто не обещал, что ей понравится человек, который предложит эту помощь. Ей вообще никто ничего не обещал.

Игнорируя несмелое приветствие их вышибалы Боуди, Уинифред зашла в «Рассвет» через черный ход. У себя в комнате она бросила сверток с платьем на кровать и торпливо разделась. В последние годы ей удавалось хорошо питаться, и она больше не походила на того заморыша из трущоб. Даже звали ее теперь по-другому.

За годы работы Уинифред многому научилась, но такими умениями не хвастаются в салонах или на приемах, их не демонстрируют гордым родителям и не рассказыва-

ют о них друзьям. Зато эти навыки высоко ценятся теми, кто знает, как ими пользоваться.

Уинифред умела бесшумно дышать, незаметно красться и вскрывать замки. Она была великолепной физиономисткой и по одному только выражению лица понимала, что у человека на уме. Ей по силам было в три счета выпутаться из любого узла и с такой же легкостью завязать свой. А еще она была способна читать по губам, запоминать малейшие детали о собеседнике и в точности воспроизводить недавний разговор вплоть до интонации собеседника. Вытравив из своей речи родной кокни, лондонский диалект низов, она приобрела другой — протяжный манерный говор высшего общества.

Слава о таинственной шпионке Уинифред Бейл распространилась по всему преступному Лондону. Она подозревала, что мистер Уоррен нарочно пускал о ней слухи, чтобы припугнуть конкурентов. Лишь немногие знали, кем она была на самом деле — семнадцатилетней сироткой родом из трущоб.

Хотя она не занималась проституцией, ей перепали от хозяина кое-какие роскошные вещицы. Сейчас, например, Уинифред нашла возле двери своей комнаты новую пудреницу, веер с экраном из шелка и десяток золотых, острых, как иглы, шпилек. Она снова подумала о том, что мистер Уоррен изрядно потратился для этого вечера, и у нее закололо шрам на предплечье.

До выхода оставалось три часа, и она решила заняться прической. Единственное ее зеркало недавно разбилось, и плести приходилось вслепую. Уинифред уложила волосы на затылке в пучок из кос и обрамила локонами лицо. Золотыми шпильками она прикрепила к прическе крошечные бутончики белых роз и цветы амариллиса, которые Боуди принес сегодня утром.

Несмотря на предостережение портнихи, она собралась надеть платье, припудрив лицо. В дверь постуча-

ли. Уинифред с раздражением опустила наряд на кровать.

— Войдите!

В комнату заглянула Марта, ее ближайшая соседка.

— Мистер Уоррен хочет тебя видеть, — без церемоний сообщила она и захлопнула дверь.

Между Уинифред и девочками «Рассвета» установились не самые теплые отношения. Они завидовали тому, что ей повезло с работой больше, а сама Уинифред не любила никого, кто бы не выказывал ей любезность.

Что еще могло понадобиться мистеру Уоррену? План был разложен по полочкам и досконально вызубрен. Уинифред научилась ходить, как леди, говорить, как леди, и падать в обморок, как леди. В хорошем платье ее нельзя было отличить от дочери герцога. А платье сейчас у нее было преотличное.

Снова натянув свой обычный креп, Уинифред поспешила вниз по лестнице.

На первом этаже «Рассвета» было теплее, чем в комнатах наверху. Горели тусклые газовые лампы, пол устилали дешевые, рыжие от дыма ковры. Но стоило подняться, и в ноздри ударял затхлый душок, какой имеет каждый старый деревянный дом в Сохо. Уинифред лишь надеялась, что новенькое платье им не провоняет.

Внизу на лестнице она столкнулась с двумя мужчинами. Мистер Хьюз следил за порядком в «Розе Востока», еще одном доме терпимости господина Уоррена, а мистер Парсон приглядывал за опиумными курильнями в квартале иммигрантов. Уинифред их ненавидела — оба были жалкими подбострастными лизоблюдами, способными лишь помыкать чужим имуществом. Она не удостоила мужчин приветствием, обогнула их, остановилась за углом и присела на корточки, чтобы потуже зашнуровать ботинок.

Вдруг один из мужчин выругался. Замерев, Уинифред прислушалась.

— Спесивая дрянь! Откуда в ней столько тщеславия?

Мистер Хьюз сплюнул, и она услышала шарканье подошвы по деревянной ступени.

— Как будто она чем-то лучше нас, — добавил мистер Парсон. — Конечно, собою она красавица, спорить не стану. Но ведь она простая посыльная, а держится среди нас, будто королева, черт подери.

— Держу пари, днем эта мерзавка разносит письма, а по вечерам подрабатывает в «Рассвете», — усмехнулся его собеседник, и оба захохотали.

Уинифред преспокойно затянула шнурок и поднялась, отряхивая платье от насевшей пыли. Слова мужчин ничуть ее не тронули — они смогли бы ранить ее достоинство, только если бы оно у нее имелось, а до ее самолюбия им было не дотянуться.

— Мистер Хьюз, — громко сказала она. — Советую вам отказаться от привычки плевать на ступени, иначе мне придется попросить мистера Парсона дочиста вылизать их за вами.

Мужчины замолчали и после краткой паузы поднялись на второй этаж, оставив Уинифред одну в коридоре.

Удовлетворенная, она постучала и, получив разрешение, вошла в кабинет мистера Уоррена. Он плотно занавешивал окна, выходившие на кирпичную кладку соседнего дома, и жег дешевые пахучие свечи из животного жира, так что в комнате всегда стояла густая неприятная полутьма. Уинифред сделала книксен и быстро выпрямилась, выжидающе глядя на хозяина.

Мистер Уоррен поднялся. В любом другом теле он показался бы грузным, но в своем он выглядел просто внушительным — плотно сложенный, высокий, с проседью в коротко стриженных волосах. Уинифред невольно затрепетала. Мистер Уоррен был хитер и опасен, как старый волк, которого рано списывать со счетов. Впрочем, никому и в голову не пришло бы этого делать.

— Здравствуй, Винни, милая.

Мужчина вышел из-за стола, присел на его край и по-манил Уинифред к себе. Борясь со знакомым рвотным позывом, она послушно подошла. Мистер Уоррен обхватил ее за талию и привлек ближе, почти вжав ее в себя. Уинифред окатило тяжелым мясным запахом застарелого пота и табака — мистер Уоррен никогда не пил, но много курил. Хрустнула бумага. Уинифред задержала дыхание и задержала взгляд в одной точке — так было легче терпеть отвратительную близость.

Она отчетливо видела жилку на его шее. Не было ничего проще, чем вытащить из волос шпильку и вонзить ее туда. От одной этой мысли, которую она не сумела сдерживать, ее прошиб холодный пот, поскольку Уинифред знала, что никогда не смогла бы этого сделать.

Она не произносила ни слова и ждала, пока мистер Уоррен заговорит первым. Тот опустил руку ей на бедро, очерченное складками юбки без каркаса, а затем змеиным движением поднял к декольте. Уинифред краем глаза следила за ним. Она не дышала, но не забывала делать характерные движения грудью, а то не дай бог ее хозяин подумает, будто над ним потешаются.

Мистер Уоррен взмахнул пальцами, и в его руке возник маленький конверт. Движение было стремительным, и Уинифред ничего бы не заметила, если бы ранее не услышала шорох бумаги. Теперь ее такими фокусами было уже не удивить, но она все равно округлила глаза, изобразив изумление.

Она позволила мистеру Уоррену вложить конверт в свою ладонь и беззвучно вдохнула через рот. Наконец, отлепившись от нее, мужчина встал, обошел стол, бухнулся в свое кресло и взял перо. Его напускная веселость исчезла.

— Отдай это письмо одному господину на балу. На нем будет фиолетовый галстук, ты сразу его заметишь. — Он что-то написал на листе бумаги, вновь обмакнул

перо в роговую чернильницу и устоялся на Уинифред в упор. — Пароль прежний.

Интересно, почему он не назвал ей имени этого господина? Не хотел, чтобы она им заинтересовалась?

Уинифред изогнула губы в улыбке, которая должна была показаться смущенной, взволнованной и вместе с тем испуганной. Собственное лицо она изучила даже лучше чужих; более того, она им *владела* — каждой черточкой, каждым мускулом.

— Как прикажете, сэр, — тихо произнесла она — верная, умелая, послушная. — Я вас не подведу.

Ответная улыбка мистера Уоррена была обманчиво теплой — в его глазах Уинифред увидела холод и сталь.

— Разумеется, Винни. И еще вот что...

* * *

К неудобствам, которые приходится ежедневно выносить великосветским леди, Уинифред приурочилась с поразительной легкостью, будто была для них рождена. Дышать быстро и мелко в тугом корсете оказалось совсем несложно — своим дыханием, как и лицом, она овладела в совершенстве. Кринолин, намного шире того, который она обыкновенно носила, лишил ее маневренного преимущества, зато красиво расправил юбки и сделал похожей на огромное голубое пирожное. На один вечер, пожалуй, сгодится, но как носить такое всю жизнь?

С помощью кучера Уинифред изящно забралась в арендованный экипаж, продемонстрировав на ступеньке носки шелковых бальных туфель с деревянными подметками. Внутри ее ожидала мисс Гэмпстон, в тот вечер игравшая роль ее матери. Уинифред села напротив нее, расправила кринолин и, стараясь выглядеть непринужденно, стукнула костяшками по крыше экипажа. Щелкнули поводья, и он тронулся.

Мисс Гэмпстон было лет сорок. Она состояла на той же службе, что и Уинифред, — шпионила, доносила, подслушивала, играла. Обычно, чуть только девочки мистера Уоррена утрачивали первый цвет своей юности, он выставлял их вон — они становились ему не нужны. Мисс Гэмпстон была единственной, кто задержался, только теперь она торговала не телом, а секретами. Уинифред хотелось знать, что такого она сказала мистеру Уоррену, что он позволил ей остаться.

— Добрый вечер, — наконец с легкой улыбкой поприветствовала ее женщина.

Уинифред, испытав облегчение от того, что ей не придется здороваться первой, сдержанно ответила:

— Добрый вечер, мисс Гэмпстон.

Та наклонила голову. Светло-каштановые волосы были зализаны в простой низкий пучок. Она густо напудрилась, но белая пыль только подчеркнула складки на лбу и неровности кожи — признаки стремительно уходящей молодости. Бедняжка совсем не знала, как правильно прятать свой возраст. Но сегодня ей молодиться не требовалось.

— Я надеюсь, нет необходимости напоминать вам, что сегодня мое настоящее имя не должно звучать ни при каких обстоятельствах?

Уинифред презрительно сощурилась. Высокомерие этой женщины, возомнившей о себе невесть что, начало ее раздражать. Почему она позволяет себе обращаться к Уинифред так, будто она какая-нибудь паршивая дилетантка?

— Разумеется, дорогая, будьте покойны.

Она позволила себе приторно-сладкую улыбку, коснувшуюся глаз. Не давая мисс Гэмпстон вставить и слово, она продолжила елейным тоном, который берут люди, раздраженные необходимостью разговаривать вежливо:

— Если вас это не затруднит, не пробежаться ли нам по основам? Мне бы не хотелось, чтобы на балу вы поставили себя в неловкое положение... *таман*¹.

Глаза женщины сверкнули, и Уинифред едва удержалась от торжествующей улыбки.

— Как вам будет угодно, — сухо ответила мисс Гэмпстон, стиснув веер так сильно, что Уинифред со злорадством вообразила, что он вот-вот разломится пополам. — Я — миссис Гертруда Оукс, вдова мистера Генри Оукса. Вы — его дочь Мэри-Энн. — Она говорила с неохотой, но не так сердито, как хотелось Уинифред. — В начале сезона вы были представлены ко двору. Если кто-нибудь спросит, почему раньше вас не видели, я отвечу, что болезнь на долгие недели приковала вас к постели. На балу нас представит мистер Финчи, он не знает деталей, но согласился оказать услугу господину Уоррену. Я должна помочь вам ускользнуть с бала, а затем так же незаметно вернуть на него. На этом все. Вы удовлетворены?

— Да-да, вполне.

Уинифред рассеянно улыбнулась, глядя куда-то мимо лица мисс Гэмпстон. Создалось впечатление, что она не слушала женщину вовсе. Ей захотелось съязвить насчет возраста своей спутницы, но она решила придержать колкость на тот случай, если мисс Гэмпстон не исчерпала запас своих.

— Позвольте задать вам вопрос?

Уинифред на секунду опустила ресницы и снова взглянула на собеседницу, на этот раз прямо.

— Разумеется.

— Вы еще не устали?

Помедлив с ответом, она приподняла брови, будто прекрасно уловила намек.

— Что вы имеете в виду?

¹ Маменька (*фр.*) — здесь и далее *прим. авт.*

— Всего лишь то, что спросила.

Мисс Гэмпстон отодвинула бархатную шторку; на ее лицо пролился свет уличных огней Челси. Она обернулась к Уинифред, и той показалось, что в глазах женщины мелькнула насмешка.

— У вас такой тугой корсет, милочка.

— Нет нужды беспокоиться, — с холодной улыбкой завила ее Уинифред и отвернулась, прикусив щеки.

Ей было невдомек, что старая кошелка имела в виду, и это приводило ее в бешенство. Одно было ясно наверняка: они обе принимали друг друга за совершенных идиотов.

Может, мисс Гэмпстон намекала на работу у мистера Уоррена? Нет, она бы не посмела. Тогда что же это? Неудачная шутка?

Попытавшись выбросить из головы глупое замечание, Уинифред поглядела в окошко, не боясь показаться чересчур восторженной — все-таки это и была ее роль на сегодня. Она наблюдала, как леди в роскошных туалетах и сопровождающие их джентльмены с бриллиантовыми булавками в галстуках поднимаются по мраморным ступеням особняка виконта Уилкиса. Любому наблюдателю даже издали стало бы ясно, что этой ночью здесь дают бал: высокие колонны были увиты плющом и розетками, рядом с белокаменными львами расставлены вазоны с цветами, из высоких окон лились свет, разговоры и звуки настраиваемого оркестра. Экипажи выстроились в длинную цепочку, тянущуюся аж с соседней улицы. Лошади нетерпеливо мотали головами и били копытами; возницы, скучая, покрикивали на них. Был уже поздний вечер, вот-вот должны были начаться танцы, а гости все продолжали прибывать.

Когда их экипаж наконец остановился перед входом, Уинифред быстро ошупала цветы в прическе, кивнула мисс Гэмпстон, и они выбрались на улицу. За все время ожидания они не обменялись ни словом.

Ледяной воздух опалил обнаженные руки и плечи, по ним побежали мурашки. Уинифред мельком глянула на мисс Гэмпстон, расправляющую свои черные шелковые юбки — ей как «вдове» полагалось носить траур. В ее маленькой костлявой фигурке сейчас было так мало благородного и прекрасного духа, присущего высшему свету, что Уинифред тихонько фыркнула и отвернулась.

— Предоставьте говорить мне, — посоветовала она и, расправив плечи, зашагала ко входу в особняк.

Внутри дом оказался еще прекраснее, чем снаружи. Войдя, Уинифред на секунду зажмурилась, чтобы не ослепнуть. После темного, небогато обставленного, пахнущего табаком и индийской сладостью «Рассвета» убранство казалось ей по-королевски роскошным. Белый мрамор полов и ступеней в холле был отполирован до блеска, который не сумели скрыть даже сотни отпечатков ног. Проемы без дверей, такие широкие, что Уинифред пришлось бы развести руки в стороны, чтобы коснуться обеих сторон, были обшиты темным лакированным деревом. С изящно вылепленных белых потолков свисали тяжелые люстры из хрусталя и серебра. Обстановка кричала о богатстве и безукоризненном вкусе владельцев. Грудь Уинифред защемило от почти болезненного чувства зависти, и она опустила голову, не закончив рассматривать причудливую люстру и потолок с фресками. Она и без восхитительного убранства дома Уилкисов знала, что давать частные балы могут позволить себе очень немногие, и раздосадовалась на себя за падкость на блеск и помпезность.

Когда дворецкий объявил их имена — так громко, что почти заглушил звуки оркестра, — Уинифред приготовилась принять разом множество внимательных взглядов и даже нарочно приняла взволнованное и робкое выражение лица, которое ей очень шло. Но никто и головы не повернул. Бальный зал был таким огромным, что без тру-

да вместил по меньшей мере три сотни гостей. На Уинифред уставились несколько человек, но и те вскоре отвели взгляд, отчего она почувствовала себя уязвленной.

Но к ним тут же порхнула хозяйка бала, леди Уилкис — полная приземистая женщина в летах, лично приветствовавшая каждого из гостей. Ее платье модного оттенка красного вина переливалось при каждом движении, а в ушах, на пальцах и на дряблой груди сверкали бриллианты и рубины. Уинифред и мисс Гэмпстон присели перед ней в книксенах.

— Добрый вечер, ваша милость, — произнесла мисс Гэмпстон, поднявшись.

Она вдруг преобразилась на глазах — в осанке появилось что-то неуловимо величественное, острый подбородок приподнялся, складки на напудренном лбу разгладились. Из падшей женщины, растерявшей с годами всю свою привлекательность, она превратилась в обыкновенную провинциальную дворянку вполне приятной наружности, подыскивающую для своей дочки приличную партию. Столь разительная и мгновенная перемена позабавила Уинифред.

— Добрый вечер, ваша милость, — пискнула она, вторя спутнице.

Леди Уилкис улыбнулась обеим, но ее взгляд стал рассеянным. Она не узнала их, но никак не могла этого показать. Ничто так хорошо не удается высшему свету, как делать хорошую мину при плохой игре.

— Очень рада, что вы смогли прийти, — смущенно произнесла она, пожимая им руки с улыбкой столь сердечной, что никому и в голову бы не пришло, что она видит их обеих впервые в жизни. Своим радушием леди Уилкис с лихвой возместила более чем равнодушный прием гостей. — Очень, очень рада.

Не задерживая хозяйку, Уинифред и мисс Гэмпстон снова поклонились и прошли в зал — распорядитель уже

объявлял следующих гостей. Они заняли удобное местечко у стены, откуда можно было великолепно обозревать все помещение. Ряд высоких столов украшали вазы с цветами и огромные подкрашенные розовым цветом глыбы льда с прожилками, напоминающими росчерки молнии. Уинифред случайно задела каркасом платья ножку стола, и лед на подставке угрожающе покачнулся.

Вот-вот должны были начаться танцы, а их так никому и не представили. Но Уинифред заметила, что на нее с интересом поглядывает молодой человек в красиво сшитом темно-синем сюртуке — и наверняка не он один. Подобные взгляды были для нее не в новинку.

Теребя кольцо веера, она вполголоса, почти не шевеля губами, спросила мисс Гэмпстон:

— Где Финчи?

— Пока не вижу его.

В воздухе витали запахи канифоли, свечного воска, человеческого пота и совсем чуть-чуть — свежих цветов. Гости Уилкисов беседовали и приветствовали знакомцев, всюду звенел смех, то и дело слышались обрывки разговоров про предстоящий званый ужин у леди Освальд, скачки, новую постановку в Королевском театре на Хеймаркете и о том, куда следует отправиться осенью — ведь, как всякому известно, оставаться в Лондоне после окончания сезона нет положительно никакого смысла.

Уинифред разглядывала толпу, то высматривая мужчину с фиолетовым галстуком, то гадая, может ли тот или иной джентльмен оказаться мистером Финчи. К столу неподалеку подошли двое мужчин, увлеченных разговором, — о чем именно они говорили, Уинифред не слышала. Одному из них, смуглому и угловатому, навскидку было лет тридцать пять; его собеседнику — высокому, невозмутимому — она бы дала около сорока. Сначала Уинифред безразлично скользнула по ним взглядом, но что-то насторожило ее в облике второго джентльмена. Сделав

вид, что рассматривает уложенный кругами блестящий паркет, она склонила голову и присмотрелась.

Его воротник подвязывал фиолетовый галстук.

Сердце Уинифред екнуло. Вот он — адресат мрачного предупреждения мистера Уоррена!

Джентльмен наливал в резной хрустальный бокал воду, но вдруг его собеседник сказал нечто такое, отчего он рассмеялся и чуть не выпустил из рук графин. Улыбаясь и с напускной укоризной покачивая головой, он протянул другу запотевший бокал.

Черт бы побрал этого Финчи!

— Где же он? — сердито воскликнула Уинифред.

— Мужчина у зеркала. В темно-зеленом сюртуке.

Уинифред присмотрелась. Зеркальная стена находилась в самой глубине зала, но ей удалось разглядеть обладателя зеленого сюртука — плюгавого лысого человечка лет пятидесяти. Он был вовлечен в жаркий спор с двумя другими джентльменами и явно порывался уйти, но то и дело кто-нибудь из собеседников обращался к нему, и он оставался. Что-то говоря, Финчи повернул голову, встретился с Уинифред взглядом и осекся. Его лицо приобрело цвет спелого томата.

Она отвернулась, а через пару минут он возник рядом с ней. Вблизи Финчи оказался еще ниже... и еще лысее. Он запыхался от быстрой ходьбы, на висках выступила испарина.

— Добрый вечер, мисс Оукс, — учтиво поздоровался он, поклонившись. Мисс Гэмпстон он лишь коротко кивнул в знак приветствия. Вынув платок, Финчи быстрым жестом промокнул пот на лице. — Прошу прощения за задержку. Идемте, я представлю вас лорду Уилкису.

— Нет необходимости, сэр. — Уинифред бросила нетерпеливый взгляд на беседующих у стола мужчин. — Лучше представьте меня вон тем джентльменам.

Финчи покосился в указанном ею направлении.

— Я их не знаю, мисс Оукс, — сказал он. — Позвольте лучше представить вас виконту.

Старый бесполезный олух. Можно было бы обойтись и без Финчи, раз он не знаком с единственным интересным ей человеком в этом зале.

— Что ж, ведите, — обронила Уинифред и поджала губы.

Их представили лорду Уилкису — тучному невысокому мужчине с усами пшеничного цвета, просто и со вкусом одетому. Он чем-то неуловимо походил на свою жену. Под тканью мокрой от пота перчатки угадывался широкий ободок обручального кольца. Его милость обслонявил Уинифред руку, но зато очень мило улыбнулся. Его глаза расплылись в складках порозовевшей кожи и стали похожи на щелочки.

— Мисс Оукс, как вы находите Лондон? — поинтересовался лорд Уилкис, когда Финчи извинился и спешно откланялся, бросив на Уинифред испуганный взгляд.

— Он великолепен, сэр, — скромно восхитилась она, с усилием сосредотачивая взгляд на добродушном лице лорда Уилкиса.

Уинифред хотелось знать, ушел ли джентльмен с фиолетовым галстуком от стола? Придется ли ей теперь рыскать по всему залу в его поисках?

— Правду говорят: тот, кто не видел Лондона, не может зваться истинным англичанином!

Крякнув от удовольствия, виконт погладил ус — как и любой житель столицы, похвалу городу он всегда принимал на свой счет.

— Да-да, совершенно точно... Отлично сказано... — Он помолчал, явно подыскивая тему для беседы. — Вы, случаем, не из кентерберийских Оуксов?

— Из глостерширских, сэр, — ответила ему мисс Гэмпстон. — Мой покойный муж состоял в родстве с графом Беркли.

Виконт перевел взгляд с Уинифред на мисс Гэмпстон. Лицо его приобрело несколько кислое выражение, точно он удивился, как у *такой* матери вышла *такая* красавица-дочка.

— Да, разумеется... — Он вдруг распахнул светло-голубые глаза — такие яркие, какие бывают только у стариков. — Беркли! А вы, случаем, не знаете, как нынче самочувствие леди Беркли?

Улыбка мисс Гэмпстон стала натянутой.

— Насколько мне известно, она чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлом году, сэр.

— Неужели? — вскричал лорд Уилкис. — И это в девяносто с лишним лет! Как замечательно, миссис Оукс!

Воспользовавшись тем, что мисс Гэмпстон заняла хозяина бала беседой, Уинифред бросила взгляд на двух джентльменов. Они все еще беседовали у стола и, на ее счастье, явно не собирались покидать свое место. Угловатый молодой человек пылко жестикулировал, чем вызывал снисходительную улыбку своего собеседника. Тот глотнул воды из бокала и слегка ослабил галстук.

Уинифред обернулась к лорду Уилкису с обворожительной улыбкой. С ее губ уже была готова сорваться просьба представить ее тем двум гостям, но он ее опередил:

— Миссис Оукс, мисс Оукс! Позвольте представить вам моего доброго друга — юного Теодора Дарлинга! Мистер Дарлинг, это миссис Гертруда Оукс и мисс Мэри-Энн Оукс, наше новейшее открытие! Совершенно очаровательное создание, вы не находите?

Уинифред подняла глаза на гостя лорда Уилкиса. Молодой человек был высок и хорош собой, одет дорого, но аляповато — в сочетании с ярко-голубым жилетом и синим сюртуком его галстук *фиолетового цвета* выглядел образчиком дурного вкуса.

Мистер Дарлинг поклонился и взволнованно улыбнулся Уинифред.

— В самом деле, мисс Оукс, вы сущий ангел. Надеюсь, вы подарите мне счастье любоваться вами в первом вальсе?

ГЛАВА 2

ПОСЛАНИЯ И ПАРОЛИ

— С удовольствием, сэр! — пролепетала Уинифред и сделала книксен, протягивая мистеру Дарлингу руку.

С ее запястья свисала бальная книжка на шнурке. Юноша подхватил ее и раскрыл, удерживая большим пальцем страничку. Она улыбалась, но настороженно следила за тем, как он вписывает свое имя на первую строку.

Наконец он выпустил книжку, позволив ей качнуться на изящно изогнутом запястье Уинифред. Свернутые треугольниками записки, вклеенные в обложку, держались крепко, и мистер Дарлинг их не заметил.

И что его, франта несчастного, дернуло нацепить фиолетовый галстук? Не может же быть, что это ему адресовано послание господина Уоррена? На вид он глуповат. И чересчур молод — ему было не больше двадцати лет. Уинифред почувствовала, что начинает сомневаться, и от злости впилась ногтем большого пальца в указательный, чтобы болью прояснить голову.

Мистер Дарлинг не отрывал от нее взгляд, и Уинифред тоже присмотрелась к нему повнимательнее. На длинном узком лице с высокими скулами и впалыми щеками выделялись черные, густые, как смола, глаза. Изогнутые брови и робкий прямой рот придавали ему несколько жалобное выражение, будто он вечно чему-то удивлялся.

Несмотря на жирно блестящие от бриллиантина волосы и нелепый наряд, Уинифред была вынуждена при-

знать, что мистер Дарлинг очень и очень красив. Что-то было искреннее и притягательное в его облике, отчего хотелось заглянуть ему в лицо, поймать на себе взгляд его невидимых в темноте радужки зрачков. Эта магнетическая сила образа мистера Дарлинга, захватившая ее на мгновение, привела Уинифред в ярость. Вонзив ноготь глубже в палец, она притворилась смущенной и отвела взгляд.

Заметив, что юноша взирает на Уинифред с нескрываемым восторгом, лорд Уилкис добродушно рассмеялся, и она, стараясь не выказывать раздражение, расправила плечи. Обычно столь явное восхищение льстило ей, но только не сегодня — не хватало еще, чтобы этот дурачок волочил за ней весь вечер.

— Мистер Дарлинг, ваши друзья не почтут нас присутствием? Они ведь получили наши приглашения? — спросил его лорд Уилкис.

Мистер Дарлинг с усилием оторвал от нее взгляд и смущенно улыбнулся виконту. Улыбка у него была совершенно мальчишеская.

— К сожалению, не сегодня, сэ. Мистер Акли просил передать свои извинения.

С деланным неудовольствием лорд Уилкис покачал головой.

— Прискорбно, прискорбно... А что насчет мисс Саттон?

Он хитро прищурился и посмотрел на Уинифред, мол, сами видите — мистер Дарлинг среди лондонской молодежи нарасхват! Она сделала вид, что не заметила, а юноша заметно смутился и даже покраснел — на его бледной коже отчетливо проступил румянец.

— Я... я не знаю, сэ, — выдавил он. — Вероятно, она занята подготовкой к собственному приему.

— Да, возможно, возможно... — Лорд Уилкис заложил руки за спину и бросил сначала взгляд на оркестр, наконец-то закончивший свои приготовления, а потом заговорщически поглядел на мистера Дарлинга. — Кажется,

скоро начнется вальс! Прошу прощения, мне нужно найти мою супругу. Леди... Мистер Дарлинг...

Они распрощались кивками и книксенами, и молодой джентльмен повернулся к Уинифред:

— Разрешите?

Бросив взгляд на мисс Гэмпстон, она приняла его руку и позволила вывести себя на середину танцевальной залы, где уже встали другие пары. Взмолнованно улыбаясь, мистер Дарлинг встал напротив Уинифред. Она тоже улыбнулась ему, а потом, изображая смущение, опустила ресницы.

Как бы не перестараться с флиртом, а то к концу вечера он сделает ей предложение!

Когда заиграли первые такты вальса, мистер Дарлинг шагнул ближе и несмело положил ей руку на талию. Они придвинулись друг к другу, и Уинифред в нос ударил острый сладкий запах гардении — судя по всему, юноша вылил на себя не меньше половины флакона духов. Ей до смерти захотелось чихнуть. Чтобы сдержать позыв, она прикусила язык и задержала дыхание. Она едва успела положить руку, в которой сжимала бальную книжку, на плечо мистера Дарлинга, и танец начался.

Движения ее кавалера были отточены и изящны; казалось, он даже не задумывается над тем, куда какую ногу поставить и как не столкнуться с другой парой. Уинифред пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы не сбиться или не отдалить мистеру Дарлингу ногу. Считая такты, она ждала, когда он заговорит, вдыхая оглушительно резкий аромат его одеколona.

— Как вы находите бал, мисс Оукс? — наконец спросил он.

Уинифред уже начала раздражать эта его глупая смущенная улыбка. Из-за путаницы с галстуками каждая мелочь злила ее сильнее обычного. Она на мгновение задержала дыхание, чтобы нагнать румянца на лицо.

— Он просто превосходен, мистер Дарлинг, благодарю.

— Я счастлив... — Он сбился и опустил голову. — Я счастлив, что был удостоен чести первым танцевать сегодня с вами, мисс Оукс.

Бог мой, да он почти влюблен в нее! Больше польщенная, нежели раздосадованная, Уинифред подавила улыбку и, чтобы не встретить ненароком взгляд юноши, принялась рассматривать белую розочку в его петлице.

— Вы очень добры, мистер Дарлинг, — ответила она с легким придыханием в голосе.

Теперь ей хотелось потакать восхищению молодого человека, пускай он и был всего лишь получателем некоего послания. Если вообще им был.

Она поудобнее перехватила его плечо во время очередной фигуры и небрежно добавила:

— Признаюсь, я не ожидала, что бал так быстро меня изнурит. «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

— «О, заблести скорее на востоке, отрадный день»¹, — с легким недоумением продолжил мистер Дарлинг.

Его пальцы крепче сжали ее талию, и она чуть не рассмеялась. Боже, какой образованный мальчик — без заминки отгарабанил ей Шекспира! Ну, просто прелесть! Уинифред ненавидела ошибаться и особенно рада была сейчас тому, что не обманулась насчет мистера Дарлинга.

Пальцами руки, лежащей на плече кавалера, она выудила из бальной книжки крошечный конверт из кремовой бумаги. Когда танец закончился, Уинифред будто нечаянно провела ладонью по его груди, опустив послание в вырез сюртука.

— Прочтите, когда останетесь в одиночестве, — выразительно прошептала она.

¹ Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (пер. Н. Сатина).

Мистер Дарлинг не скрывал радостной улыбки. Снова предложив Уинифред руку, юноша проводил ее обратно к мисс Гэмпстон, поклонился и на прощание легко прикоснулся губами к затынку в перчатку пальцам. В его движениях и выражении лица появилась почти детская нетерпеливость.

— Благодарю вас за танец, мисс Оукс, — поблагодарил он и скрылся в толпе.

Уинифред приосанилась и проводила его насмешливым взглядом.

Возле столов после танца собралось много людей, но господин в фиолетовом галстуке и его собеседник по-прежнему держались обособленно. Их позы, обращенные друг к другу, подчеркнуто препятствовали началу какого-либо разговора с посторонними.

Раздосадованная, Уинифред отвернулась от них — как раз вовремя, чтобы увидеть, как виконт, наклонившись к своей жене, что-то ей говорит. Леди Уилкис поискала глазами по зале и безошибочно остановила свой взгляд на Уинифред. Мисс Гэмпстон тоже заметила это и шепнула:

— Лорд Уилкис просит жену заняться вами. Думаю, вы ему приглянулись.

— И без вас вижу, — чопорно отозвалась Уинифред, тайно млея от удовольствия.

И в самом деле — вскоре леди Уилкис подошла к ним, будто невзначай назвала обеих по имени и предложила представить их группе джентльменов у столика. Казалось, что симпатия лорда Уилкиса передалась и ей — теперь женщина смотрела на Уинифред почти с материнской лаской.

Ее представили в том числе и двум интересовавшим ее джентльменам. Угловатого звали мистер Уоттс, а высокого, с галстуком — мистер Дейли. Ни один из них не обратил на Уинифред ни малейшего внимания. Холодно представившись, они продолжили свой разговор, даже не подумав пригласить ее на танец или поддержать светскую беседу.

С другими джентльменами Уинифред станцевала сначала кадрили, затем менуэт. Каждый раз, возвращаясь к столу после танца, она ловила на себе удивленный взгляд мисс Гэмпстон, и понемногу ее охватывало отчаяние. Рассчитывать на вежливость мистера Дейли явно не приходилось.

Когда после менуэта ее пригласили на польку, она жалобно протянула:

— Ах, мне, наверное, придется пропустить следующий танец, сэр! Что-то мне дурно... Здесь так душно!

Кто-то тотчас же притащил стул, и Уинифред усадили рядом с глыбой льда, недалеко от мистера Уоттса и мистера Дейли. Мисс Гэмпстон, изображая заботливую мать, даже подала ей воды.

Джентльмены разбрелись кто куда. Рядом с ней, заложив руки за спину, топтался только один молодой человек, с красным носом и блестящими голубыми глазами. Он явно намеревался караулить Уинифред до того момента, пока она в достаточной мере не придет в чувство для того, чтобы принять приглашение на танец. Но ее такая преданность нисколько не тронула.

— Ах, тапан, будет полька! — В порыве чувств «Мэри-Энн» сжала костлявую руку «матери», и та опешила. — Как жаль, что вы не танцуете! Вы ведь так любите польку!

— Это правда, дорогая, — мрачно согласилась мисс Гэмпстон.

Она догадалась, на что намекала Уинифред, и явно была не в восторге. Как и ее поклонник. Юноша вздохнул, самоотверженно принимая свой долг.

— Могу я доставить вам удовольствие, пригласив вас на польку, миссис Оукс? — предложил он, с тоской поглядывая на Уинифред.

Мисс Гэмпстон вяло согласилась, и они ушли. У стола осталась одна Уинифред, а в паре шагов от нее — мистер Уоттс и мистер Дейли. Обмахиваясь веером, она прислушалась к их разговору.

— Вздор! — с жаром заметил мистер Уоттс — более молодой джентльмен. — Тебя послушать — так никто ничего не смыслит в политике!

— Неправда, — насмешливо возразил ему мистер Дейли. — Я смыслю.

Его собеседник рассмеялся — коротко и резко, но совершенно искренне.

— Будет тебе, Том! Ты рассуждаешь так, будто судьба Ост-Индии уже решена!

Теперь Уинифред чуть не обмирала от нетерпеливого интереса. Совпадение ли, что тема разговора затронула второе задание, данное ей мистером Уорреном?

Мистер Дейли помолчал, а потом сухо произнес:

— О судьбе Ост-Индии ты можешь судить не хуже меня. Кому не очевидно, что птица не желает жить в клетке, а человек — на цепи? Вполне резонно, что Индия хочет независимости. И рано или поздно она ее получит.

— Рано или поздно! — подхватил Уоттс. — В том-то и загвоздка! Это письмо...

— Чарли, это письмо — выдумка для тех, кто не знает, продавать им свои бумажки или спешно скупать новые. Хватит об этом.

Мистер Дейли покосился на Уинифред. Мистер Уоттс взглянул на нее, будто впервые ее заметил, и презрительно вздернул губу. Его несимпатичное лицо от кислого выражения стало совсем некрасивым.

— Сомневаюсь, что мисс Оукс заинтересована в политике, Том, — с нарочитой отчетливостью произнес он, язвительно улыбнувшись Уинифред, отчего она закипела. — Но, разумеется, я могу ошибаться. Скажите, мисс Оукс, каково ваше мнение относительно колониальной политики Британии?

— *Чарли!* — укоризненно одернул его мистер Дейли, но тот только отмахнулся.

Уинифред задумчиво свела к переносице светлые брови и опустила бокал на стол.

— По правде говоря, я совершенно ничего в этом не смыслю, сэр. — Она глупо хихикнула и потупилась. — Разве что могу сказать про нашу королеву Викторию. Знаете, когда меня представляли ко двору, она была в таком замечательном бархатном зеленом платье, ну просто прелестном!

Мистер Дейли помрачнел, не сводя с нее пронизательного взгляда. Уоттс расхохотался, и Уинифред, продолжая прикидываться дурочкой, тоже засмеялась. Про королеву ей было известно не слишком многое. Только то, что по ее примеру все британские девушки взяли за моду венчаться в белом, ее супруга Альберта вот-вот титулуют принцем-консортом, а новорожденная принцесса Беатрис — просто ангел. Уинифред уже приготовилась было вывалить на Уоттса ворох своих беспорядочных знаний, но тот ехидно заключил:

— Не будьте так уж строги к себе, мисс Оукс! Ваши познания в политике и впрямь достойны всяческих похвал.

Уинифред просияла. Уоттс, удовлетворив собственное самолюбие, отвернулся, вновь позабыв о ее существовании. Мистер Дейли помедлил, но тоже отвел взгляд.

Демонстрируя отсутствие всяческого интереса к их разговору, она принялась тихонько напевать танцевальную мелодию себе под нос.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что письмо — выдумка? — все-таки понизив голос, продолжил Уоттс. — Я уверен, что оно действительно существует. Более того — я слышал, что его получил виконт.

— Лорд Уилкис? — насмешливо уточнил мистер Дейли.

— Да, он. Я верю, что в его руках — будущее страны.

Сердце Уинифред заколотилось так сильно, что она почувствовала, как теплеют от возбуждения щеки. Уоттс, сам того не ведая, сообщил все, что ей нужно было услы-

шать. Она хотела расцеловать этого напыщенного дурака в обе щеки, хотя этот жест не принес бы ему ни малейшего удовлетворения.

Для Уинифред все сложилось великолепно. Нужное мистеру Уоррену письмо действительно существовало и, более того, находилось в распоряжении лорда Уилкиса. Вместе с личной печатью виконта она сможет выкрасть его. А значит...

Возможно, господин Уоррен согласится пересмотреть условия ее контракта.

— Не преувеличивай, — мягко осадил друга мистер Дейли.

Уинифред заставляла себя глазеть на танцующие пары, изображая живое восхищение. Полька заканчивалась.

— Будущее страны не зависит от того, набьют ли себе карманы золотом дельцы из Сити. Никому доподлинно не известно, о чем говорится в этом письме. Одни будут трубить, что Ост-Индия наконец-то идет ко дну, как ей и предсказывали после битвы при Плесси, а другие во весь голос заявят, что наступает золотое время для компании.

— И что же делать?

— Нам? Ничего.

Уинифред боковым зрением заметила, что мистер Дейли оглядел бальный зал. Танец закончился, и кавалеры провожали дам на свои места.

— Оставь слухи в покое, Чарли. Если ты веришь, что письмо существует, верь и тому, что виконт распорядится им лучше любого из нас.

Придержав что-то в кармане жилета, мистер Дейли вынул часы, и Уоттс поджал губы.

— Том, — с мягкой укоризной произнес он. — С ней все в порядке.

Мистер Дейли щелкнул золотой крышкой и вернул часы на место.

— Ты этого не знаешь, — процедил он.

Они замолчали. По их встревоженным лицам Уинифред видела, что каждый думает о своем. Краткая пауза в их беседе дала ей возможность вклиниться в разговор.

— Чудесный вечер, не правда ли, мистер Дейли?

Джентльмен вскинул голову и несколько секунд равнодушно смотрел на Уинифред, будто пытаясь понять, к кому она обращается. Уоттс тоже поглядел на нее с удивлением, которое быстро сменилось раздражением. Он закатил глаза и принялся играть льдинкой на дне своего бокала.

— Совершенно с вами согласен, мисс Оукс, — наконец вымолвил мистер Дейли, сумев даже изобразить подобие улыбки.

— Ах, неужели следующим опять будет вальс?

— Полагаю, что именно так, мисс Оукс.

Уинифред кокетливо взмахнула ресницами, и Уоттс побелел от злости.

— Обожаю этот танец!

Мистер Дейли галантно поклонился:

— Как и я, мисс Оукс. Позвольте пригласить вас?

Она позволила, сделав вид, что не заметила Уоттса, глядящего на нее, словно на драную уличную кошку. Юноша с красным носом, желавший танцевать с ней, грустно наблюдал, как мистер Дейли заносит в ее книжку свое имя. Потоптавшись на месте и отчего-то бросив исполненный неприязни взгляд на мисс Гэмпстон, он ушел.

Что такого мог прятать мистер Дейли в своем кармане? Тайную записку? Остужая зуд в пальцах, Уинифред прикоснулась к ледяному бокалу.

Подождав, пока позади нее к столу начнет протискиваться какой-то джентльмен, Уинифред ахнула, взметнула руки и налетела на мистера Дейли. Тот покачнулся, но не отпрянул. Он успел схватить ее за талию, а она его — за лацканы. Пока безвинный джентльмен рассыпался в извинениях, а мистер Дейли помогал обрести равновесие, Уинифред оттянула правый лацкан. Заглядывая рас-

пахнутыми глазами ему в лицо, она естественным жестом сунула два пальца левой руки в его нагрудный карман и спрятала в ладони нечто твердое и маленькое, со скругленными краями. Должно быть, портрет.

— Благодарю вас... извините, — пролепетала Уинифред, прикладывая руку к груди и опуская плоский предмет в вырез платья.

Лицо ее покраснелось от волнения, губы стыдливо дрожали. Она отлично помнила, чему ее учил господин Уоррен: «Всегда держи в уме, что за тобой кто-то наблюдает. Даже если это не так».

— Что вы! Это я должен просить у вас прощения! — с жаром возразил джентльмен. Похоже, он сам уже поверил, что толкнул Уинифред.

— Вы в порядке, мисс Оукс? — сдержанно поинтересовался мистер Дейли, одергивая сюртук.

Когда Уинифред уронила робкое «да», Уоттс сверкнул глазами на незнакомца и угрюмо заметил:

— Будьте аккуратнее, сэр.

В ожидании вальса Уинифред смущенно щебетала с окружившими ее джентльменами о всякой ерунде, а в ответ на просьбы о танце отвечала, что уже ангажирована, — с такой робкой и виноватой улыбкой, что никто не сомневался, что ей действительно очень жаль. Когда наконец пары начали собираться, мистер Дейли предложил ей руку с таким безразличным видом, что это почти задело Уинифред. Можно подумать, она стала бы с ним танцевать, не касаясь дела поручения мистера Уоррена!

Ее нынешний кавалер танцевал почти так же хорошо, как мистер Дарлинг, но с гораздо меньшей грацией. Его уверенные, четкие движения производились скорее механически. Впрочем, он ни разу не дал им столкнуться с другой парой и один раз даже ловко увел Уинифред в сторону, когда ее едва не сбил какой-то изрядно подвыпивший джентльмен. Но этим его обходительность ис-

черпывалась. Он не желал заводить с ней светскую беседу, и Уинифред снова пришлось взять все в свои руки.

— Ах, разве здесь не жарко, сэр? По-моему, просто умопомрачительно жарко!

В зале и правда было на редкость душно. Несмотря на распахнутые окна и подтаявшие глыбы льда на столиках, Уинифред почувствовала, как по спине меж лопаток у нее стекает струйка пота.

Мистер Дейли был невозмутим, как скала.

— Пожалуй, что так, — согласился он.

По его внешнему виду нельзя было заключить, что ему хватило совести взмокнуть или хотя бы испытать какие-либо неудобства.

— Признаться, эдакая жара просто изнурительна, — доверительно сообщила она своему кавалеру, придвинувшись чуть ближе. — «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

В глазах мистера Дейли промелькнуло искреннее удивление.

— Ведь рассветные птицы краше стократно других, — закончил он.

Уинифред верно выгадала момент — танец закончился, и все зааплодировали. Она сделала быстрый книксен, а когда выпрямилась, конверт уже перекочевал в карман мистера Дейли. Он хотел что-то сказать, но колебался. Выражение лица было мрачным.

— Благодарю вас за танец, мисс Оукс, — наконец сдержанно поблагодарил он и предложил руку.

В его обхождении, и прежде довольно сносном, теперь появилась вялая, неохотная учтивость, продиктованная, как догадывалась Уинифред, некоторой опаской.

Проводив ее, мистер Дейли склонился к хмурому Уоттсу и что-то ему прошептал. Тот молча вскинул голову. Не посмотрев на Уинифред, оба покинули зал, и мисс Гэмпстон настороженно проводила их взглядом.

— Теперь, надеюсь, вы закончили? — с ноткой неудовольствия спросила она.

— Не ваше дело, — отрезала Уинифред. — Ждите.

Лавируя меж гостей, она направилась на другую половину зала, к леди Уилкис. Несмотря на взмокший лоб и красные пятна на шее и лице, виконтесса сияла довольной улыбкой. Уинифред позволила ей себя заметить. Замерла на месте, в притворной растерянности оглядываясь по сторонам, и встретила с леди Уилкис взглядом. Та прервала беседу с немолодой женщиной в дорогом до безвкусицы платье и приветливо протянула к Уинифред руки.

— Мисс Оукс! — Виконтесса мягко пожала ее ладони и, смутившись, почти сразу же их выпустила. — Надеюсь, наш бал пришелся вам по душе, дорогая?

— О, он просто превосходен, миледи! Благодарю вас за оказанную честь! — Она наклонилась к женщине и чуть тише поинтересовалась: — Пожалуйста, подскажите, куда я могу отлучиться припудрить носик?

Леди Уилкис зарделась гордым румянцем.

— Ах, благодарю вас! Впрочем, моей заслуги тут вовсе нет — это все наш бальный распорядитель, настоящий мастер своего дела! — Она понизила голос: — Комната для дам на втором этаже, первая слева от лестницы, дорогая.

Уинифред поблагодарила виконтессу и, протиснувшись через толпу, пошла прочь из бального зала. Оставалось надеяться, что наверху она не наткнется на чересчур деятельную прислугу.

В фойе первого этажа было пусто, и Уинифред остановилась, чтобы наконец рассмотреть украденный у мистера Дейли предмет. Им оказалась овальная миниатюра на пластине из слоновой кости. На портрете была изображена юная девушка, почти девочка, с изящным округлым лицом, которое обрамляли прямые каштановые волосы. Художник явно пытался скрыть ее страх, но тот все равно отпечатался в каждой ее акварельной черте: вымученная улыбка с опу-

щенными уголками губ, напряженные брови. Интереснее всего были глаза: огромные, блестящие, затравленные и дикие одновременно. Чем-то незнакомка походила на мистера Дейли — не отдельными чертами, а общей гармоничностью лица, — и, пожалуй, могла быть его сестрой. Не ее ли имел в виду Уоттс, говоря «с ней все в порядке»?

Оглядевшись по сторонам, Уинифред вышвырнула миниатюру у входа в бальный зал и поспешила наверх. На втором этаже газовые рожки на стенах были притушены, а доносившаяся из зала музыка скрадывала звуки шагов. В конце коридора она заметила дверь с царапинами на замочной скважине — ее часто запирали. Скорее всего, это и был кабинет лорда Уилкиса.

Уинифред вынула из прически одну из шпилек и нажала на ручку, но та неожиданно с легкостью поддалась — дверь была не заперта. Испугавшись, что виконт может оказаться внутри, она низким измененным голосом позвала:

— Милорд?

Никто не ответил, и она заглянула внутрь. Пусто. Видимо, лорд Уилкис зря понадеялся на бдительную прислугу и порядочность гостей. А может, сам недавно был здесь. Испытав облегчение от того, что не наткнулась на хозяина, Уинифред юркнула в комнату — так быстро, насколько ей позволяло платье на кринолине. Она бесшумно закрыла дверь и обернулась.

И точно — это был кабинет. Уинифред не стала зажигать свет, чтобы не выдать себя, так что комнату освещали только луна и уличные фонари. На письменном столе стояла фарфоровая китайская ваза со свежими белыми гибискусами. Вдоль оклеенных шелковыми обоями стен были расставлены массивные шкафы темного дерева, а напротив стола глухо шелкали старые напольные часы. Справа от входа была еще одна дверь — скорее всего, она вела в личную уборную. Уинифред провела пальцем по спинке кресла, обитого золотистой тканью. Чисто. Похоже, прислуга бывает здесь часто.

Времени у нее было в обрез — раз дверь оставили открытой, кто-нибудь мог войти в любую минуту. Сразу решив обыскать письменный стол, Уинифред нашла на нем печать виконта с головкой из лакированного дерева и сунула ее в вырез платья. Грязное, вымазанное в сургуче основание печати больно впилося ей в стянутую корсетом грудь.

В поисках письма об Ост-Индии Уинифред без особой надежды перебрала послания в лотке с корреспонденцией. Нужного там не оказалось.

Тогда она дернула за ящичек письменного стола, но он не поддался. Подавив смутное радостное предчувствие, Уинифред еще раз дернула за ручку и, убедившись, что ящик заперт, опустилась перед столом на колени, стараясь не сломать кринолин. Она хотела воспользоваться собственными шпильками, но поразмыслила и стащила со стола пару железных скрепок. В конце концов, шпильки могли быть сделаны из чистого золота.

Проворно согнув металлические скобы, она вскрыла замочек и нетерпеливо выдвинула ящик. Внутри обнаружились две чистые печати (Уинифред заменила ту, что была обляпана сургучом, на новую), маленькие серебряные ножницы, чистый носовой платок с инициалами и несколько конвертов. Перебрав их, она быстро нашла тот, который искала — кипенно-белый, плотный, с крестом Ост-Индской компании на сургучном оттиске.

В висках возбужденно застучала кровь. Уинифред вытащила из конверта лист бумаги и пробежалась по нему глазами. Убедившись, что это именно то, что нужно мистеру Уоррену, она торопливо свернула письмо и сунула его туда же, куда и печать, а в конверт положила исписанный какими-то цифрами лист бумаги со стола.

Убедившись, что все лежит так же, как и раньше, Уинифред заперла ящичек, встала и отряхнула юбки. Оглядев себя и убедившись, что печать не выпирает, она поспешила к двери.

Однако когда она взялась за ручку, кто-то провернул ее с другой стороны.

Черт побери! Лорд Уилкис все-таки вернулся!

Времени искать надежное укрытие не было. Уинифред нырнула за ближайший шкаф, вжалась в стену и затаила дыхание. Тело расслабилось само собой. Она была уверена: если ее не заметят, она сможет неподвижно простоять хоть час, хоть всю ночь.

Кто-то вошел в кабинет и тихо, как Уинифред, закрыл за собой дверь, прокрутив ручку до конца, чтобы та не щелкнула. Значит, это не лорд Уилкис. Прислуга? Но что ей делать здесь в такой час, да еще и во время бала?

Уинифред хотелось узнать, кто зашел в кабинет, но незнакомец замер у двери. Впрочем, какая, к черту, разница, кто это? Свое дело она уже сделала. Но если ее все-таки увидят... можно будет попроситься с работой. Возможно, и с жизнью тоже, но об этом Уинифред предпочитала не думать.

Из-за шкафа ей открывался превосходный обзор на письменный стол. Вошедший к нему не спешил. Уинифред услышала легкие шаги, затем — скрип открываемой створки, совсем рядом. Цепenea, она втянула голову в плечи. Но ночной гость даже не стал заглядывать в бумаги — он тут же закрыл шкаф и направился к столу. Уинифред увидела спину незнакомца и тут же узнала его узкие плечи и синий сюртук.

Мистер Теодор Дарлинг.

Теперь, когда Уинифред знала, кто вместе с ней обшаривает кабинет виконта, ей стало тревожнее. Возможно, мистер Дарлинг не опасен, но он достаточно глуп, чтобы подорвать ее прикрытие.

К ее удивлению, юношу не заинтересовали ни настенные шкафы, ни бумаги на письменном столе. Он обошел его, оперся рукой на деревянную поверхность... и заглянул под него.

Уинифред машинально впиалась ногтями в мякоть ладони. Очевидно, мистер Дарлинг знал, что она здесь. Более того — он искал ее. Значит, он уже прочел письмо и хотел потребовать от нее ответа. Тень шкафа была настолько плохим укрытием, что не заметить ее было попросту невозможно. Не шевелясь, Уинифред с колотящимся сердцем ждала.

Юноша выпрямился, и тут напольные часы пробили полночь. Мистер Дарлинг обернулся. Мгновение его взгляд блуждал по стене, а затем остановился точно на лице Уинифред.

Он не удивился, разве что едва заметно вздрогнул от неожиданности. Уинифред решила предпринять последнюю отчаянную попытку выпутаться. Она шагнула вперед.

— Мистер Дарлинг! — произнесла она таким тоном, будто сгорала от стыда. — Это дамская комната!

Юноша ошеломленно распахнул глаза.

— Дамская... комната? — тупо переспросил мистер Дарлинг.

Уинифред даже показалось, что он покраснел. Впрочем, в таком неверном свете она не могла сказать наверняка.

Уинифред состроила смущенное личико и указала на дверь в стене справа.

— Да, сэр, она здесь, смежная с этой комнатой. Пятая справа от лестницы, дамская... Ах, прошу, не заставляйте меня повторять! Я сейчас просто сгорю от стыда!

Она прикрыла лицо руками и сквозь пальцы с удовлетворением заметила, что мистер Дарлинг, споткнувшись, шагнул к ней из-за стола. Невероятно, но этот идиот, похоже, действительно клюнул.

— Я и понятия не имел, что здесь находится... — он поперхнулся, — дамская комната. Приношу свои извинения.

Уинифред медленно отняла ладони. Выражение лица мистера Дарлинга было странным. Казалось, что-то в ее словах сбивало его с толку и вместе с тем забавляло.

Пока он не вспомнил про письмо, она торопливо попрощалась:

— Доброй ночи, сэр!

Едва не переходя на бег, Уинифред прошла к выходу. Сердце колотилось как бешеное, она чувствовала, как пламенеют щеки. Она выкрутилась! Этот идиот...

Уинифред повернула ручку, но дверь не поддавалась. Холодея от ужаса, она дернула еще раз, но дверь была заперта. Повернувшись, она встретила взгляд мистера Дарлинга. Он почти смущенно улыбнулся, и Уинифред заметила блеснувший у него в руке ключик.

— Не расскажете ли, чем я хуже того господина, раз вы подсунули мне фальшивое письмо?

ГЛАВА 3

АДРЕСАТЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Уинифред быстро взвесила варианты, стараясь не обращать внимания на гудящую в голове кровь. Дело теперь складывалось из рук вон плохо, но нужно было хотя бы попытаться исправить ситуацию.

— М-мистер Дарлинг? — переспросила она, заставив свой голос дрожать. — Что это значит? П-почему дверь заперта?

Юноша прислонился спиной к столу. Он пытался казаться невозмутимым, но ему это плохо удавалось. Больше было похоже на то, что его смертельно клонит в сон.

— Прошу вас, перестаньте. — Мистер Дарлинг рассеянно почесал голову, испортив свою жуткую прическу — темные локоны сбились на затылке в колтун. — Я ведь прекрасно знаю, кто вы такая. Право, мне даже неловко как-то...

В груди Уинифред поднялась горячая волна гнева, такого дикого, что ей на мгновение заволокло глаза. Этот

идиот запер ее, да еще смеет допрашивать?! Воображает, что все о ней знает?!

К счастью, ей было присуще удивительное качество — никогда не терять головы. Демонстрируя ледяное безразличие, Уинифред скрестила руки на груди. Локтем она почувствовала под корсетом печать, больно вдавившуюся в кожу.

— Надо же, вы меня раскусили. Восхитительно. Собираетесь держать в кабинете, пока не придет хозяин дома?

Мистер Дарлинг жестом указал ей на ближайшее кресло и пододвинул к нему другое. Уинифред, подобрав юбки, присела на краешек, он сел напротив. В темноте она не могла как следует рассмотреть его лицо, но по позе было ясно, что юноша очень взволнован — он почти вжался в кресло.

— Что вы делали здесь? Ловко же вы меня обманули, признаться, я почти вам поверил!

Его глупость развеселила Уинифред. Она рассеянно улыбнулась и подалась вперед.

— Не такая уж хорошая я лгунья, раз вы поняли это уже сейчас, — заметила она, наслаждаясь его растерянным выражением.

Ее все еще разбирал смех, но она до боли прикусила щеки и заставила себя молчать.

В темноте Уинифред видела лицо юноши будто через полупрозрачную вуаль, но заметила, как его глаза едва заметно расширились. Мистер Дарлинг боялся. И что самое замечательное — он боялся ее. Но чего именно? Того, что сам сболтнул лишнего, или того, что она могла наплевистить ему с три короба? Или просто он наконец-то понял, что недооценил ее?

Несколько секунд они сидели молча, потом мистер Дарлинг снова заговорил:

— Почему вы отдали письмо не мне? Я ведь назвал вам пароль.

Вместо ответа Уинифред принялась играть своим веером, шелкая костяными пластинками и рассматривая узоры на экране. На ее губах появилась наглая язвительная усмешка, и она не стала ее прогонять. Мистер Дарлинг стиснул руками подлокотники, оглянулся на дверь и торопливо произнес:

— Послушайте, мне сейчас еще беспокойнее, чем вам! Не лучше ли нам просто ответить на вопросы друг друга, мисс Бейл?

Уинифред застыла. Она понадеялась, что ослышалась, но глаза молодого человека искрились восторгом — он явно остался доволен произведенным эффектом. Откуда ему известно ее имя?

— Удивлены? — спросил он. — Скажите, а имя у вас настоящее? Впрочем, чего я спрашиваю — конечно, настоящее. Никто в здравом уме не стал бы себя называть Уинифред.

Она поперхнулась от возмущения.

Пускай сейчас он посмеивался над ней, Уинифред понимала, что попала в крупные неприятности. Первое ее впечатление о мистере Дарлинге оказалось обманчиво. Она-то полагала, что он просто смазливый юнец, чья-то подсадная утка. Это было настолько очевидно, что Уинифред задумалась, не мистер Уоррен ли его подослал. Но теперь она видела совершенно другого человека. Он ссутулил плечи и опустил подбородок. Теперь Уинифред увидела, что он еще младше, чем ей показалось — лет девятнадцать, не больше. Мистера Дарлинга послали не просто перехватить письмо, предназначавшееся мистеру Дейли, — он явно был замешан в чем-то более серьезном. Сейчас в его руках неведомым образом оказалась самая главная ценность Уинифред: тайна ее личности. Если он исполнит свою невысказанную угрозу — ей конец.

Конечно, она могла бы его убить. Но даже если ей удастся незаметно вытащить труп из дома лорда Уилкиса, вряд ли

она сумеет поймать кеб, который согласится везти покойника. А если она оставит мертвого мистера Дарлинга здесь, ее исчезновение кто-нибудь обязательно свяжет с убийством. На секунду Уинифред поверила в то, что сможет убить Дарлинга и преспокойно вернуться на бал. Никто и не подумает на хрупкую юную девушку — тем более в голубом она выглядит, как суший ангел. Но потом ей пришлось напомнить себе, что она ни разу в жизни не убивала и вряд ли это так уж легко.

Нет. Необходимо, чтобы юноша сам ее отсюда выпустил и впредь молчал о том, что знает. Уинифред оставалось согласиться на его условия и рассказать как можно меньше, выпытывав как можно больше.

Нервничая, мистер Дарлинг встал с кресла и стиснул руки за спиной. Помедлив, она произнесла:

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, пока вы не дадите ответы на мои.

Явно испытывая облегчение, мистер Дарлинг торопливо сел обратно.

— Прекрасно. Ваш ответ — на мой ответ. Звучит справедливо. Только дайте слово, что будете отвечать честно.

Он задорно улыбнулся, точно это презабавнейшая игра. Уинифред положила веер на кресло и сцепила в замок пальцы.

— Как вы узнали о письме? — сухо осведомилась она.

Юноша фыркнул.

— Думаю, вы и сами догадываетесь. Наши люди есть даже подле вашего хозяина. Нам сообщили, что вы должны передать некое письмо человеку в фиолетовом галстуке.

Он вытянул вперед длинные ноги, и Уинифред поджала свои.

— Как же вам пришло в голову сделать копию? Эту ужасную, ужасную шутку, которую вы всучили мне взамен письма? — Мистер Дарлинг потянулся ко внутреннему карману сюртука и вынул маленький кремовый конверт.

Нарочито медленно развернув письмо, он принялся зачитывать его вслух подрагивающим от смеха голосом: — *«Фиолетовый — цвет роскоши, крепчайшей на свете дружбы, торжества и величия. Ваш галстук как нельзя кстати подчеркивает ваши достоинства. Носите его с гордостью и честью»*. — Юноша сложил записку обратно в карман и с улыбкой уставился на нее. — Очень забавно.

Уинифред надменно приподняла брови. Меньше всего ее сейчас интересовало мнение мистера Дарлинга о фальшивке. Но все-таки кое-что в его словах показалось ей интересным.

— Вот как? И кто же ваш доносчик?

— Нет уж, моя очередь. — Мистер Дарлинг склонился вперед, опершись локтями на колени. — Будьте добры, удовлетворите мое любопытство: как вы догадались, что меня послали перехватить письмо?

— Вы не назвали пароль.

— Но вы же... — Его лицо удивленно вытянулось. — Вы ведь цитировали Шекспира... «Сон в летнюю ночь». Разве это не пароль?

— Нет, разумеется, — подчеркнуто презрительным тоном отрезала Уинифред. — «Сон в летнюю ночь» может знать любой. А вот нужные слова знает только владелец фиолетового галстука. «Ведь рассветные птицы краше стократно других».

— Рассветные птицы... Ну, конечно! «Рассвет»! Заведение вашего хозяина, мистера Уоррена! Что ж, это впечатляет, мисс Бейл!

Уинифред нахмурилась. Ей совершенно не нравилось, что мистер Дарлинг располагает такими подробностями ее жизни.

— Кто он — ваш человек у мистера Уоррена?

— Этого я сказать не могу. Я, конечно, сглупил, но не совсем идиот. — Снова приходя в волнение, мистер Дар-

линг неловко выпрямился в кресле и добавил: — Впрочем... мой хозяин мог бы...

Закончить он не успел — в коридоре слышались шаги. Ручка дернулась и затряслась.

— Что за чертовщина! — явственно слышалось с той стороны — Уинифред узнала голос лорда Уилкиса.

— Заперто? — поинтересовался кто-то другой.

Уинифред вскочила с кресла почти одновременно с мистером Дарлингом. Он знаком показал ей на уборную лорда, и она кивнула.

— Да... Право, очень странно, — ответил виконт.

Через секунду ключ царапнул по замку и с тихим лязгом вошел в замочную скважину.

— Я наказывал прислуге не запирайте двери.

Мистер Дарлинг ринулся в уборную, Уинифред — за ним. Она прыгнула следом, задев лицом что-то мягкое, и закрыла дверь ровно в тот момент, когда открылся кабинет.

Тут же Уинифред с леденящей ясностью осознала две вещи. Первая: это вовсе не уборная, а маленький гардероб в стене. Вторая: ее веер остался на кресле.

От ужаса она на секунду подавилась воздухом, и только теснота помешала ей согнуться пополам. Никогда раньше она не позволяла себе таких оплошностей. Не позволяла себя заболтать, отвлечь, забыть о простейших принципах своего дела. Чтоб его! Мало того что она застряла в гардеробе с этим идиотом Дарлингом, так их еще могут обнаружить в любой момент! А все из-за дурацкого веера, черт бы его побрал!

Дверь в кабинет захлопнулась с громким щелчком.

— Право, милорд, я вас совсем не понимаю, — донеслось до Уинифред. Говорил второй человек, зашедший вместе с лордом Уилкисом. — Это письмо — всего лишь первое из многих. Зачем так за него держаться?

Речь снова шла о компании. Уинифред почти почувствовала гладкость бумаги, спрятанной под ее корсажем.

Лорд Уилкис молчал. В щелку между дверью и косяком пробился желтый свет — он зажег свечи.

В гардеробе слегка пахло лавандой и сильно — резкими духами мистера Дарлинга. Юноша стоял рядом неподвижно и бесшумно, но Уинифред ощущала его присутствие так же явственно, как прикосновение меховых шуб к обнаженной спине. Она запустила руку в карман одной из них и беззвучно разломилла сухую веточку лаванды, которую положили в спрятанную на лето одежду.

Хорошо, что она не леди, а мистер Дарлинг — не джентльмен.

Послышался тонкий гудящий звон стекла — в кабинете разливали что-то по стаканам.

— Я не ввязывался в политику, — наконец устало проговорил виконт. — Мне нет дела до Ост-Индской компании и денег, которые все так жаждут с нее получить. Я честный джентльмен и уже жалею о том, что вообще прочел это несчастное письмо. Хотите знать, что я думаю? Быть дельцом или, как вы это называете, «человеком бизнеса» в наше время — дело недостойное и глупое. Именно по этой, и ни по какой иной, причине я не отдам письмо ни вам, ни кому-либо другому.

Собеседник лорда Уилкиса молчал. Уинифред давно заметила, что молчание может сказать о человеке не меньше, чем речь. Сейчас ей показалось, что гость виконта уязвлен отказом.

Она опустила голову, покосившись на мистера Дарлинга. Он стоял у нее за спиной — не слишком близко, их разделял ее криолин, — но Уинифред чувствовала на своей шее его дыхание.

— Вы рассуждаете, как пэр. Впрочем, это ваше право, безусловно, — вкрадчиво парировал гость. Он начинал раздражаться, но не выпускал из голоса медоточивость. — Но что же делать простым людям, единственный доход которых состоит в заключении сделок?

— Я не мешаю никому заключать сделки.

— Я прекрасно вас понимаю, милорд. Но ваше письмо... Поверьте, в нужных руках оно может принести славу и честь Англии!

— Нет, вижу, вы меня совсем не понимаете, — резко возразил лорд Уилкис. Уинифред и не подозревала, что в этом мягком, добродушном человеке таится такая сила воли. — Я не вижу чести в порабощении. Как я уже сказал, письма вы не получите. — Послышался звук отпирания ящика, и у Уинифред по спине побежал холод. — И никто не получит.

Ей не нужно было видеть, чтобы догадаться, что происходит. Собеседник Уилкиса вскочил с кресла, чуть не перевернув его, задние ножки с глухим стуком опустились на ковер. Через дверную щель потянуло гарью.

Что-то щекотало Уинифред плечо, и она недовольно дернула им. По коже на краткое мгновение скользнула рука в перчатке и тут же отдернулась. *Он что, играл с ее волосами?*

— Милорд, вы... — В голосе незнакомца был слышен плохо скрываемый гнев. — Что вы наделали?! Вы уничтожили бесценное...

— Прошу вас, передайте остальным «людям бизнеса», что письма больше не существует, — прохладно ответил лорд Уилкис. Уинифред отметила, что он ни разу не назвал своего собеседника по имени. — Ровно так же, как вы сообщили всем, что оно находится в моем распоряжении. Думали, я не узнаю об этом? Я удивлен, что у вас хватило наглости прийти сюда.

— Не смею вас больше задерживать, милорд, — угрюмо сказал незнакомец. Вся его благожелательность испарилась — теперь, когда конверт был уничтожен.

— Я провожу вас, — с прохладной учтивостью отозвался лорд Уилкис.

Они вышли из кабинета, не заперев его. Уинифред выждала несколько минут, отсчитывая вдохи, затем акку-

ратно повернула ручку и выскользнула на свободу. Воздух в кабинете, слегка отдававший гарью, после душного гардероба казался ей таким свежим и холодным, что у нее закружилась голова.

Уинифред мельком осмотрела кресло. Ни на нем, ни под ним веера не было. Ее сердце кольнуло. Пусть их самих и не обнаружили, но кто бы ни забрал веер — лорд Уилкис или его гость, — радости ей это не сулило. Сегодня она оставила за собой длинный след из хлебных крошек.

Мистер Дарлинг тоже вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь гардероба. Щеки юноши заливала краска — теперь, в свете свечей на столе, Уинифред могла хорошенько его разглядеть.

— Ох, ну и ночка! — восторженно выдохнул он. — Танцевал с прекраснейшей девушкой на балу, был ею дважды... нет, трижды обманут, а затем заперся с ней в шкафу! И все это — еще до помолвки!

Уинифред развернулась на пятках и яростным взором встретила веселые глаза Дарлинга. Будучи раздраженной из-за пропавшего веера, она больше не собиралась прятать свой гнев.

— Помолчите! — прошипела она. — Это не повод для шуток!

— А что же тогда повод? — простодушно осведомился он. — Поверьте, я могу шутить обо всем, о чем вам будет угодно. К примеру, о том письме, которое вы спрятали у себя в декольте. Невероятно удобная штука — эти ваши корсеты! Носи я такой, то пользовался бы им на полную катушку! Таскал бы пряники с обеденного стола, жульничал бы в вист... Ах, постойте, у меня для этого есть кое-что поудобнее. — С довольным видом он похлопал себя по груди. — Карманы!

Остолбенев, Уинифред слушала его нелепую речь. Откуда он знает, что письмо... Нет, он не может знать. Это просто дикая догадка, которую он хочет подтвердить ее реакцией.

Она изобразила легкое злое недоумение — такое, чтобы он понял, что она не играет.

— У меня нет письма. Вы что, не слышали, что виконт его сжег? Здесь до сих пор витает запах.

Она обернулась и указала на кучку пепла с оплавленной печатью на серебряном подносе. Рядом стояли два резных стакана с нетронутым напитком.

Дарлинг нахмурился и от этого еще больше стал напоминать грустного щенка.

— Зачем вы врете? — спросил он с таким искренним недоумением, что Уинифред даже не сразу нашлась с ответом.

— Что ж, вижу, мне вас не переубедить.

— Как и мне вас.

Дарлинг подошел к столу и поворошил кучку пепла пальцем. Поразительная глупость — вот так запросто портить перчатки! Уинифред незаметно скользнула рукой в прическу и зажала в пальцах острую шпильку.

— Я полагаю, наши совместные дела на этом закончены? — осведомилась она, делая вид, что расправляет юбки.

Дарлинг быстро поднял голову.

— Не совсем. — Он вытер руку о ткань сюртука, так что на нем остались длинные серые пятна, и шагнул на свет. — У меня есть к вам предложение, мисс Бейл... Делового характера.

Уинифред насторожилась, крепче стиснув в пальцах свое крошечное золотое оружие. Ей не нравилось, когда мужчины делали ей предложения, в особенности *делового характера*. Обычно это заканчивалось вовсе не тем, чего она ожидала.

— Как я уже упоминал, я знаю, на кого вы работаете, — начал Дарлинг. — Насколько я знаю, мистер Уоррен не слишком... хороший человек. Если вы хотите... я могу сделать так, что ваш контракт с ним уже к завтрашнему ве-

черу окажется у меня на столе. — Он бросил взгляд на старомодные напольные часы из красного дерева, с которыми у Уинифред были свои счеты, и торопливо исправился: — Точнее, уже к сегодняшнему вечеру. Я предлагаю вам сделку. Настоящую сделку, а не рабскую договоренность, которую вы подписали со своим хозяином.

Дарлинг неловко улыбнулся, и Уинифред с удивлением отметила, что он не лжет. На секунду она задумалась, каково было бы не зависеть от мистера Уоррена, но тут же отмела эту мысль. Если она не будет зависеть от мистера Уоррена, тогда она просто будет зависеть от кого-то другого.

— Что за сделка? — наконец спросила она, с привычным высокомерием вздернув подбородок и спрятав руки за спину. — И почему я должна вам верить?

Не размыкая сцепленных рук, Дарлинг оперся плечом о книжный шкаф.

— Сделка такова: я получаю ваш контракт с мистером Уорреном и рву его в клочья, а вы... — Он замешкался и опустил взгляд на серебряный поднос с кучкой пепла. — А вы передаете мне письмо лорда Уилкиса об Ост-Индской компании. И я подпишу с вами новый контракт, разумеется. Всего на год. Поработаете на меня до следующего лета, и идите куда глаза глядят.

Уинифред моргнула.

— Поработаю... *на вас*? — скептически переспросила она.

Дарлинг с секунду тупо смотрел на нее, а затем зажмурился.

— Проклятье! Прошу прощения. Я идиот. Ну да, на меня. — Он нервно засмеялся. — Когда я говорил про своего хозяина, я имел в виду... себя. Это я. В смысле, я и есть мой хозяин.

Уинифред с недоумением слушала его сбивчивую болтовню. Этот лопочущий недоумок умудрился сколотить организацию, по осведомленности составляющую конку-

ренцию самому мистеру Уоррену? Более того: он сумел переманить на свою сторону кого-то из приближенных ее хозяина? Нет, это попросту невозможно.

— Позвольте-ка прояснить. Вы хотели забрать письмо, а когда не вышло, решили, что к письму вам в придачу нужна еще и я сама?

Дарлинг смущенно почесал голову.

— Мне показалось, что это хорошая идея... Разве нет?

— Вы и правда идиот, — резко оборвала его Уинифред. — С чего вы взяли, что я стану работать на вас? Почему бы мне сейчас же не рассказать мистеру Уоррену все, что я о вас узнала?

Она узнала не так уж и много, но пускай он думает, что сболтнул лишнего.

У Дарлинга сделалось такое лицо, будто он с трудом пытается рассчитать что-то в уме. Скорее всего, так дело и обстояло.

— Разумеется, вы можете, — тщательно взвешивая каждое слово, произнес он. В голосе его слышалось недоумение. — Но какой в этом смысл? Ваш контракт с мистером Уорреном — бессрочный. Я же предлагаю вам договор на год. Всего год!

Он отлепился от шкафа и сделал шаг к Уинифред. Она не двинулась с места.

Это ловушка. Точно ловушка. Должно быть, мистер Уоррен проверяет ее, вот и подослал к ней Дарлинга.

Одна только мысль о том, что мистер Уоррен мог узнать о ее сомнениях, привела Уинифред в ужас. На предплечье закололо шрам, скрытый длинной бальной перчаткой.

— Мисс Бейл, вы прекрасный специалист в своем деле, — продолжал юноша. — Не скрою, я был бы счастлив заполучить вас. О вас слышали многие. А вот о том, что вы — это именно *вы*, знают единицы. Включая меня. У вас нет причин отказывать мне. Но если вы все-таки

донесете на меня, я верну любезность. — Дарлинг виновато улыбнулся и добавил, будто подумав, что до нее не дошел смысл его слов: — То есть я расскажу всем, что вы и есть та самая Уинифред Бейл.

— Довольно! — выпалила Уинифред.

Она подскочила к Дарлингу, и в ее пальцах сверкнула золотая шпилька. Момент — и острие оказалось в опасной близости от его шеи.

Злость бурлила внутри нее, шипела. Она так долго сдерживала ее, что это чувство казалось ей теперь незнакомым... и восхитительным. Уинифред прошиб ледяной пот, хотя в кабинете было жарко. Он угрожает разоблачить ее? Идиот, идиот, идиот!.. Она убьет его прямо сейчас!

Возможно, ей просто не хотелось признавать, что он ее обставил? Что ее мечты о том, что мистер Уоррен наконец отпустит ее на свободу, так и останутся мечтами? Что боится она не разоблачения, а собственного хозяина?

Ее рука не дрожала. Она вообще не могла заставить себя ею пошевелить.

Выражение лица у Дарлинга было спокойное и простодушное.

— Как грубо, — прокомментировал он, скосив глаза на шпильку у своей шеи. — Вы знаете, я не планировал сегодня умирать, мисс Бейл.

Уинифред едва сдерживалась, чтобы не закричать от досады. Ее раздражали его тупые шутки, его бахвальство, странная осведомленность, невинный шантаж. Больше всего ей сейчас хотелось вспороть Дарлингу шею и насладиться кратким выражением удивления на его лице. Но это было бессмысленно. Она видела, что юноша не лжет. А раз так, значит он предлагает ей хорошую сделку. Отказываться глупо, а Уинифред не способна на глупости.

Помедлив, она отвела руку от шеи Дарлинга и демонстративно вонзила шпильку обратно в прическу. Ей в голову пришла мысль: каково было бы почувствовать чью-то теп-

лую липкую кровь на руках? Испытывала бы она отвращение или восторг? Смогла бы вот так запросто вернуть в прическу испачканное кровью Дарлинга украшение?

Этот идиот не сможет ее обмануть. А если и обманет, она поймет это и сама обведет его вокруг пальца.

Мистер Уоррен ничего не узнает. А если и узнает, она сбежит прежде, чем он убьет ее.

— Хорошо, — наконец произнесла она. — Я согласна на ваши условия. Вы уничтожаете мой контракт с мистером Уорреном. А я подписываю с вами новый, на год, и отдаю вам письмо.

Дарлинг снова расплылся в своей идиотской восторженной улыбке.

— Восхитительно! — вырвалось у него, и он тут же смутился. — Я... очень рад нашему сотрудничеству, мисс Бейл.

Он протянул ей руку, и Уинифред осторожно ее пожала. Ладонь Дарлинга оказалась очень теплой, почти горячей.

— Можно просто Теодор, — со смущенной улыбкой предложил он. — Вы меня очень обяжете.

Уинифред резко отняла руку.

— Не стоит. Я предпочитаю сохранять дистанцию в деловых отношениях, мистер Дарлинг.

Он нахмурился, но тут же снова просиял.

— Что ж... Я ценю вашу рабочую этику, Уинифред. Я ведь могу звать вас Уинифред?

— Нет, — снова отрезала она. — Где я могу встретиться с вами, чтобы узаконить нашу сделку?

Дарлинг похлопал себя по карманам и выудил из нагрудного клочок бумаги. Замявшись, он долго расправлял его пальцами и наконец протянул Уинифред.

— Приезжайте вечером в мой офис. Адрес вот тут.

Уинифред развернула помятую бумажку. Это оказалась визитная карточка — недавно напечатанная, но замусоленная до такой степени, что едва можно разобрать буквы.

Дарлинг нагнулся, тоже рассматривая ровные полустертые строчки. Уинифред захотелось изо всех сил боднуть его головой, чтобы у него посыпались искры из глаз.

Она сложила визитку, демонстративно сунула ее под корсаж и задрала подбородок, чтобы поглядеть Дарлингу прямо в лицо.

— Я буду в семь. Не заставляйте меня пожалеть, что доверилась вам, — хладнокровно произнесла она.

Юноша был выше ее на добрую голову, но Уинифред с легкостью удавалось разговаривать с ним свысока.

Дарлинг поклонился. Его глаза смеялись.

— Что вы, мисс Бейл! Я бы не посмел.

ГЛАВА 4

ТРЯПКИ И ШПИЛЬКИ

Уинифред вернулась с бала глубокой ночью. Наемный экипаж по ошибке высадил их с мисс Гэмпстон у соседнего дома, а они слишком устали, чтобы заметить это сразу.

Ночь была светлая и холодная. Недавно прошедший дождь посеребрил листву деревьев, рассеял смог и прибил к земле пыль. От воды потемнели старые стены домов, крыши и брусчатка.

Тихо взбежав к себе в комнату, Уинифред закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Слишком много всего произошло за этот вечер. Она все еще размышляла, не слишком ли много.

Прежде чем покинуть особняк лорда Уилкиса, Уинифред пришлось вернуться на бал и даже два раза танцевать, чтобы не привлекать к себе внимания. Она была удивительно рассеяна, мысли ее витали далеко, и даже мисс Гэмпстон, хоть и не задавала вопросов, с оттенком беспокойства в голосе заметила, что Уинифред очень

бледна. Дарлинг в бальном зале больше не появлялся, хотя чудился ей в каждой черной макушке.

Мысли в голове Уинифред и сейчас путались и терялись в странном, тугом тумане. Почти автоматически она разделась, вспомнив про печать только тогда, когда она, выпав из-под расшнурованного корсета, глухо стукнулась о деревянный пол. Следом, легко скользя по ноге, спланировал сложенный пополам лист бумаги.

Скользнув в ночную сорочку, Уинифред повела плечами от холода и присела на колени перед окном. Это было маленькое мутное окошко с хлипкой деревянной рамой, которую Уинифред подтыкала на зиму тряпьем, чтобы не замерзнуть насмерть. Она в него редко выглядывала — вид из него был только на тупик.

Беззвучно расшатав подгнившую половую доску у самой стены, Уинифред вынула ее и скользнула рукой в образовавшееся углубление. Там, завернутый в старый платок, лежал мешочек с монетами — все ее сбережения. Туда же она пристроила печать.

Вставив на место доску, Уинифред по привычке огляделась — будто кто-то мог следить за ней в ее же комнате. Она развернула письмо. С улицы лился слабый голубой свет, но его хватало, чтобы разобрать строчки:

«Мирут, 16 апреля 1857

Дорогой друг,

Ты был прав — бесконечно прав, как и всегда. Нет места войне там, где есть место вере; и воцарится хаос там, где восторжествует насилие.

Я больше не верю в то, что дело наше — правое. Я не верю в то, что эти бедные люди должны идти против своих убеждений по нашей воле. Да и как я могу? Неужели человек может быть настолько тщеславен, чтобы возомнить, будто его вера лучше чьей-либо еще? Будто его Бог — единственный достоин любви и уважения? Нет, отнюдь. Даже

миссионеры, прибывающие в самые отдаленные уголки мира со своей благородной миссией, приводят к Творцу неверующих священными текстами, а не винтовками; словами любви, а не ненависти к ближнему.

Я уверен, что компания никогда уже не будет прежней. Начинаются беспорядки, и хотя силы сипаев несравнимы с нашими, сама возможность бунта указывает на конец всего. Впрочем, я надеюсь вскоре вернуться в Англию. Тот день станет счастливейшим в моей жизни.

Уповаю на скорую встречу с тобой, мой добрый друг.

Капитан Дж. Томпсон»

Уинифред аккуратно сложила письмо и уставилась в пол.

Значит, из-за угрозы восстания компании приходил конец, а она держала у себя в руках ключ к десяткам тысяч фунтов, которые дельцы могли приобрести или потерять. Теперь она понимала, почему мистер Уоррен так желает заполучить письмо — оно могло бы озолотить его, вознести на ранее недостижимые вершины. Но сейчас оно оказалось в руках Уинифред, и именно ей решать, как им распорядиться. Впрочем, эта власть делала ее бессильной.

Можно ли верить Дарлингу? Пускай он вел себя как совершенный идиот, за его хорошенькой мордашкой прячутся странная проницательность и цели, о которых она не знает ничего. Уинифред практически исключила вероятность, что его послал мистер Уоррен — тогда она вряд ли пережила бы ночь.

Если Дарлинг и впрямь уничтожит ее контракт, у мистера Уоррена не останется легальных рычагов давления на нее. Возможно, она сумеет скрываться от него какое-то время; возможно, и Дарлинг сумеет как-то оградить ее. Смог же он внедрить к мистеру Уоррену своего человека.

На секунду Уинифред всерьез захотелось принять его предложение. Ей хотелось свободы, которую он сулил, хоть

она и понимала, что из клетки с железными прутьями ее пересаживают в такую же, только с золотыми.

Но мистер Уоррен страшил ее гораздо больше, чем влекла невесомая надежда на свободу. На что бы он пошел, чтобы добраться до нее? Могла ли она продолжать работать на мистера Уоррена в относительной безопасности, в относительном спокойствии, рассказав ему все, что успела узнать? Нет, об этом не могло быть и речи. Дарлинг тут же выдаст ее, и она станет бесполезной для всех. Возможно, мистер Уоррен отправит ее работать в «Рассвет» — туда, где она еще сможет принести ему денег. Об этом Уинифред подумала с содроганием.

Как ни посмотри, она в тупике. И все из-за этого чертова письма! Лучше бы она просто выполняла свою работу и не пыталась прыгнуть выше головы. Ее хозяин — не тот человек, перед кем можно выслужиться.

В тайнике хранить письмо она не станет — он надежен только тогда, когда его не ищут всерьез. Если у мистера Уоррена появится повод сомневаться в ее честности, он обыщет все. Кроме, пожалуй...

Уинифред сложила лист еще вдвое и сунула его под подвязку на бедре — после бала она не сняла чулки. Убедившись, что письмо не выпадет, Уинифред рухнула в постель. Матрас тихо и жалобно всхлипнул, когда она повернулась, чтобы накрыться тонким шерстяным одеялом.

О том, что делать, у нее было время подумать — до самого утра.

* * *

Лондон, 1847

Спотыкаясь, Мэри шла за мужчиной, который волочил ее за собой, держа за руку. Она плакала, но боялась кричать, и слезы просто стекали горячими грязными ручейками у нее по лицу и капали с подбородка.

На улицах было ужасно. Мэри провела в Ист-Эндском глухом проулке всего три ночи, но этого было достаточно, чтобы понять: лучше смерть, чем такая жизнь. За мужчиной, который вдруг схватил ее и поволок за собой, она следовала, практически не сопротивляясь. У него была грубая, но чистая и полная рука. Мэри лишь надеялась, что ее накормят.

Мужчина привел ее в странное здание — темное и душное, с плотно занавешенными окнами. Пахло чем-то горьковато-сладким, чему Мэри дать название не могла, запах душил ее и щекотал нос. А еще здесь было много женщин — красивых и плохо одетых. Платья странно на них сидели и чересчур открывали тела. Мэри пожалела бедняжек.

Ее повели дальше. Одни женщины не обращали на нее внимания, другие смотрели грустно и качали головами. Мэри не знала, что это за место, но ей здесь ужасно не понравилось. Она хотела потянуть за руку человека, который ее вел, попросить воды, но мужчина вдруг остановился и, постучавшись, открыл дверь.

Мэри шагнула было внутрь, но мужчина так сильно оттолкнул ее назад, что она едва не взвизгнула от боли. Сам он тоже остался в коридоре. За столом в комнате сидел человек чуть старше ее отца и намного крупнее, жилистый и высокий. Подняв голову и окинув взглядом Мэри, он с раздражением бросил мужчине, который привел ее:

— Бога ради, Гиббс! Слишком маленькая! Не отвлекай!

Он вновь опустил глаза. Мужчина непроизвольно сжал руку Мэри. Она хотела ойкнуть, но ей было слишком страшно.

— Господин Уоррен, она... Она очень смышленная. Я видел, как она выживает на улицах — эта девочка очень далеко пойдет. Возможно, она подойдет для другого вашего...

Это была ложь. Мэри с удивлением посмотрела на мужчину, и тот поспешно выпустил ее руку. Зачем он солгал? Он никогда не видел ее раньше. Да и что тако-

го смышленного она могла делать на улицах? Свернуться калачиком на сырой тряпке в подворотне, тихо скуля от голода и холода?

Но на человека за столом его слова произвели эффект. Он отложил перо и в упор уставился на Мэри. В комнате были зашторены окна, и свет давали только тусклые жировые свечи, извивающиеся черными язычками огня. Лицо мужчины показалось Мэри очень, очень жестоким.

— Как тебя зовут, девочка?

Мэри опешила. Зачем этому человеку ее имя?

Ей не хотелось называть ему свое настоящее имя. Оно было скучным и простым, а ей хотелось иметь особенное. Ей хотелось, чтобы этот человек не разочаровался в том, что обратил на нее внимание. Поэтому она выпалила первое, что пришло ей на ум, — имя прекрасной принцессы из сказки, которую ей с сестрами рассказывала мать:

— Уинифред.

Человек за столом не улыбнулся.

— Первое: ты должна относиться ко мне с уважением. Тебе надлежит обращаться ко мне «сэр». «Уинифред, сэр». Поняла?

Уинифред кивнула и тут же исправилась.

— Да, сэр.

Он удовлетворенно прищурился.

— Второе: ты соврала. Знаешь, как я это понял? Лгуны не смотрят собеседнику в лицо. Их глаза бегают, потому что в них можно прочесть правду. Теперь соври мне так, чтобы я поверил. Как тебя зовут?

— Уинифред, сэр, — твердо произнесла она, не отрывая взгляда от водянисто-серых глаз господина.

Тот растянул губы в подобии улыбки. Она скорее назвала бы это оскалом.

— Прилично. Подойди ближе.

Уинифред подошла. Господин вытащил из ящика стола лист бумаги и окунул перо в чернила. Он долго что-то

писал, а она не смела даже шевельнуться. У нее было чувство, что этот человек не любит, когда его дергают.

Наконец он закончил, вновь обмакнул перо в грязную чернильницу, а затем протянул его Уинифред. Она взяла перо, стараясь не испачкать руку господина своей — по выражению его лица она догадалась, что ему были бы неприятны ее прикосновения. Она крепко зажала перо в кулаке и стала ждать его указаний.

— Моя фамилия Уоррен. Я могу научить тебя лгать. Это очень полезно, ты и сама теперь это знаешь. — Господин усмехнулся. — Я могу научить тебя и многому другому. Я также дам тебе еду, крышу над головой, а потом даже стану платить небольшое жалованье. Ты хочешь этого?

Она подумала о воде, и у нее пересохло во рту. Сейчас за стакан воды она бы сделала все что угодно.

— Да, сэр, — хрипло ответила она.

— Тебе придется выполнять кое-какую работу для меня. — Мистер Уоррен подвинул к Уинифред лист бумаги. — Распишись здесь, если хочешь этого.

О, она хотела, и даже очень! Она может получить кров и пищу, всего лишь поставив закорючку на какой-то бумажке?

Она знала, как пишется ее имя, но теперь у нее было другое. Поэтому она, поудобнее перехватив перо в кулаке, просто поставила на листе кривую черточку в том месте, на которое указал ей господин. Робея, Уинифред положила перо на лист с подсыхающими чернилами и сделала шаг назад.

Мистер Уоррен удовлетворенно осмотрел лист и спрятал его в ящик стола.

— Ты благоразумная девочка, Уинифред... Винни. — Он прокатил ее новое имя на языке, и ей стало не по себе. — Уверяю тебя, ты будешь мне благодарна.

Благодарность — так мистер Уоррен назвал ее рабство, в которое она отдала себя по доброй воле.

Лондон, 1857

Уинифред оделась с первыми лучами солнца.

Всю ночь она не спала, а урывками дремала. Когда она вынырнула из очередного сна, содержание которого не могла вспомнить, решение пришло само собой: чтобы выжить, ей придется лгать обоим.

Грубая выстиранная ткань ощущалась на коже совсем не так, как вчерашние шелк и газ. Уинифред аккуратно сложила бальное платье, с сожалением проведя пальцами по вышивке и мягким кружевам. Боуди вернет его в лавку. Мистер Уоррен никогда в жизни не потратится на выходной туалет, если его можно одолжить.

Он никогда и нигде не упускал возможности выгадать лишний шиллинг. Не упустит и сейчас. Именно поэтому Уинифред расскажет ему обо всем, что произошло, кроме того, что письмо у нее. Узнай мистер Уоррен об этом, он непременно пожелает им воспользоваться. А его внезапное обогащение может натолкнуть Дарлинга на кое-какие мысли.

Зато она будет предельно откровенна в остальном. Ее хозяин узнает о предателе в своих рядах, о Дарлинге и о его предложении. Уинифред хорошо знала мистера Уоррена и не сомневалась: он захочет, чтобы она вошла к юноше в доверие, выведала, кто он такой и что ему нужно. Этот идиот непременно ей доверится, если она отдаст ему письмо и найдет нужный подход. Уинифред заметила, как юноша смотрел на нее прошлой ночью. Влюбить его в себя будет проще простого. А потом она предоставит мистеру Уоррену разбираться с соперником единолично. Жестоко, но что поделать — только так она сохранит и работу, и жизнь.

Письмо, как и вчера, плотно прилегало к бедру. Ноги ныли и кровоточили от новых туфель, стиснув зубы,